

Александр Петрушкин

**Маргиналии: книга
стихотворений**

**Москва
«Книга по Требованию»**

Александр Петрушкин
Маргиналии

Александр Петрушкин. Маргиналии: книга стихотворений.
2010-2011 г. - 196 с

Поэзия перестает быть лингвоцентристкой и снова очеловечивается. Всё-таки язык – это материал, который сам по себе, без волевого участия поэта, без его личности может сказать всё, что угодно. Ценность такого высказывания, понятно, сомнительна. Важно, чтобы было что сказать. И важно, чтобы поэт хотел сказать это. А ещё хорошо бы верил в то, что говорит. Таким словом можно, наверное, остановить солнце и разрушить парочку населённых пунктов. Такие ветхозаветные стихи писать сложно. Но Петрушкин их пишет.

(с) Александр Петрушкин, стихотворения, 2001-2010

*

О чьей бы то ни было поэзии говорить всегда не очень-то легко, есть опасность свалиться в частности, выискивать с лупой влияния, копаться в подробностях и пропустить нечто важное. А важное в стихах Петрушкина - уверенность. Петрушкин вообще не боится ничего - ни ошибок, ни провалов, ни сочетаний. Оттого возникает ощущение убедительности и целостности. Оттого всему, что он пишет веришь: так и есть, так и было. Петрушкин лексически всеяден. Любое слово, взятое поэтом, встраивается в его мир и тут же начинает работать, биться шестеренкой и давать жару. Именно жару, ибо Петрушкину важно, чтоб всё горело и грело, как самогон. Пойди пойми самогон, он просто действует и действует безотказно. В этом чудо очарования поэзии Петрушкина.

Еще, что важно, уже лично для меня, - это то, что за внешним огнем, напором, внутри сидит тонкий и нежный товарищ, отчаянный подросток, офигевшей от всего этого прекрасного и ужасного мира. Подросток безоглядно жадный до жизни. И он ловит мир открытым ртом и задыхается, и заговаривается, и торопится и гудит, как печь. И всё это и звучит из Петрушкина, что поймал, то и звучит. И грех это не слушать и не слышать. (Сергей Чегра, Москва)

*

Александр Петрушкин тот поэт, который всегда каким-то образом оказывается на другой, далёкой от нас стороне света, пытается оттуда говорить с нами. Иногда это - говорение, иногда – жаркое проборматывание. Язык его дик, стихийен, и вместе с тем, кажется, очень чётко и плотно организован. Слово здесь может быть дерзким, мутным, чистым и ясным, изменчивым, как морской ветер, но оно всегда стремится перешагнуть через самоё себя, как, собственно, и лирический герой этих стихов, но – куда? И вот это постоянное, энергичное, витальное движение в неизвестность, на обратную сторону мира, пре-одоление, для меня и есть то, что образует ясное притяжение стихов Петрушкина к читателю, и наоборот. Мы всё ещё можем попытаться вернуть себе мир, говорит нас скорее сам автор, нежели лирический герой, раздвигая порой с необъяснимой лёгкостью границы любого пространства, воскресая снова и снова из небытия...

(Галина Рымбу (Омск - Москва)

*

Когда читаешь стихи Александра, ловишь себя на нелепой мысли, что сам текст отвлекает тебя от чтения, такой вот парадокс, и тем не менее.

Мне кажется, в стихах Александра Петрушкина говорят одновременно несколько человек, иногда перебивая друг друга. Но эта словесная поли, квадрофония – не какофония базарного трепа, а вполне гармоничная речь поэта, поэтов. Как будто собрались несколько старых знакомых, где-нибудь на кухне, и хорошо говорят на вечные темы, иногда дополняя, иногда споря друг с другом. Если читатель уловит, ритм, динамику этого разговора, то услышит немало интересного.

И еще, Урал, откуда родом Александр, не определяет географически самого поэта. Его уральские просторы распространяются также до Киева, Нью-Йорка и чувственно, духовно понятны жителям и этих городов. Ритм, слово, душа стихотворения – не чужая душа, не экзотика Кыштыма. Все просто: вот человек, которому действительно есть, что сказать.

(Александр Моцар, Киев)

*

Маргиналии (позднелатинское *marginalis* – «находящийся на краю», от лат. *margin* – «край»). В современной литературе термин используется для определения своего рода «записок на полях» или «мыслей вслух».

Звучащие мысли Александра Петрушкина обнаруживают безграничное стремление к свободе и одновременно напряженное усилие осознать себя через неупорядоченный, хаотичный звукосемантический ряд. Словообразы как будто бы прорываются через плотную пелену, оставляя впечатление внемernessи, огромности заключенной в них сути. Ее не охватить взглядом, слухом или пониманием, ее можно лишь додумывать и мысленно прозревать, подобно тому, как угадываешь великолепную чистоту неба сквозь небольшой просвет в толстом слое облаков.

«Речь моя далека от слов, / Не гортань различает вкус: / Ныне есть, если прежде нет; / Немота – это речи плюс».

Парадоксальность, динамика, контрастность, трагизм – все это составляющие поэтической ткани, сотворенной Александром Петрушкиным. И чем больше погружаешься в нее, тем она прозрачнее для внутреннего зрения – читатель как будто воспаряет, проникаясь искренней и живой интонацией, неподдельным и откровенным чувством.

«- разница только лишь в материале / так говорила мама когда возвращались с ней из зоосада / и шли навстречу нам разные звери люди / мама была права права по фактуре / мне же было по ветру на все ткани / видишь ли вот навстречу прошел еще один ангел / в песочном в ситцевом в крепдешинном в клеше / - разница лишь в материале сказать бы проще / слово такое да жалко мне что не имею / слова такого».

Но если несовершенны слова, утрированно и подчеркнута, - «зачем косноязычье незримо мне дано / о впалое как старость отчаянное дно», - то чистота поэтического голоса Александра Петрушкина выходит на первый план, становясь определяющей и характерной чертой его поэтики, перекликающейся с авангардистами, но по-своему неповторимой.

(Максим Жуков, Москва)

*

Поэзия Петрушкина, действительно, абсурдна и постапокалиптична, но она давно позабыла об этом свойстве из-за множественных анестезирующих влияний, совершенно перекрывающих её первичный импульс. Если продолжать разговор о праформе этих стихов, то можно прийти к ОБЭРИУ и Александру Введенскому – «звезде бессмыслицы», отзвуки которого через наслоения позднейшей поэтики «барачников» (Игорь Холин, Ян Сатуновский и нек.др.) иногда слышны в стихах Петрушкина. Более значимой нам представляется локальная специфика поэзии Петрушкина, её принадлежность Уралу, Кыштыму и «сугомакской метафизике». Это своеобразный культурный код / фирменный знак Петрушкина, определяющий его быт, и представляющий собой экзистенциальное основание авторской поэтики, так что перед нами – случай житнетворчества

(Дмитрий Дзюмин, Санкт-Петербург)

*

Читать Петрушкина для меня – все равно что ехать по плохой дороге. Трясет, качает, какие-то скрипы, шорохи, мелкие камешки летят из-под колес... Потом вдруг все разваливается и из-за какого-нибудь ближайшего каменно-глинистого холма опять выкатывается очередная конструкция на качающихся колесах. Как будто какие-то ожившие механизмы неведомого Кулибина вдруг вышли из-под земли и пришли в движение, рыхля глину, двигая камни, вращаясь на месте, сталкивая друг друга в ямы, разваливаясь и кренясь, ходят и голосят на все лады. «Кто здесь главный? С кем я могу говорить?» - недоумевает Андрей Санников, растерянно озираясь среди этого тележечно-колесного скрипа и стука. А главный здесь человек по имени Саша. Но он всегда за кадром. Папа Карло своей скромной лабораторией. Буратины соскакивают с его верстака буквально каждую минуту... Кто-то бы сказал: «Да подожди ты, дай я тебе хоть рот прорежу!», а в ответ – «Некогда, папа, некогда, как-нибудь так добегу!»... Или: «...ну как же ты без ног-то на трех с половиной колесах жить будешь?!» - «Нормально, папа, отпусти, я пошел...». Петрушкин отпускает всех, кто хочет и куда хочет. На квадратных колесах, без рук, без глаз и голыми (говорящими!) бревнами. Только настоящему папе Карло могут попадаться (причем везде!) ТОЛЬКО ГОВОРЯЩИЕ БРЕВНА.
(Елена Оболишхта, Екатеринбург)

*

После текстов Петрушкина я чувствую себя обманутым, но меня обманул не поэт, а мир (или жизнь? – не знаю). Ничего-ничего-ничего не сбылось, даже сам я стал не тем, кем был задуман. А дальше и вовсе, казалось бы, парадоксальный вывод: осознание этого не ввергает меня в нескончаемую депрессию, а успокаивает и расслабляет.

(Янис Грантс, Челябинск)

*

В скандинавской мифологии карта территории была невозможна. Дороги физические вели ниоткуда в никуда. Существовали только пути духовные. Этими духовными путями и перемещались шаманы между мирами. Каждый мир предполагал свой душевный настрой, свой уровень духовного развития. Трикстер Петрушкин выходит из Санниковского Асгарда, построенного из камня; идёт сквозь Муспельхейм Туренко, где всё состоит из огня, потому Мировой Лёд и превращается в «Воду и воду»; чтобы создать собственный мир, гнездовье-зимовье-ложбину. Сам топоним «Кыштым» и переводится как «тихое зимовье», превращаясь в мир иллюзии, в царство сна, тумана, опьянения, фантазии Ниффльхейм, запертый руной «ниид» (необходимость, нужда). Петрушкин становится гением этого места, бесплотным духом-хранителем.

(Сергей Ивкин, Екатеринбург)

*

Книга избранных стихотворений Александра Петрушкина только на первый взгляд кажется свободной для бытования читателя, после прочтения видишь, что это тщательно огороженная резервация, и внутренний пейзаж ее суров и малонаселен – преобладает степь, но не сухая, повсюду ощутимо дыхание воды. Да что там, дыхание! Вода катает камушки-слова, заходится пеной, несет с собой всякий мусор - одним словом, стихия. В тоже время путь этой воды-речи жестко задан, и потому своей цели она достигает быстро, не тратясь попусту – в чем и заключается мастерство поэта. «слитно пишется рцы плотно речёт вода...» - сказано точно, и по-моему, одна из лучших строк в русской поэзии на эту тему.

Зэка языка, если воспользоваться самоопределением Германа Лукомникова, Александр Петрушкин (не зря в Живом Журнале его дневник озаглавлен – «заклоченный 06091972. Лагерь «Северная зона». Барак 74-66») не спешит вырваться на волю, хотя и думает только о ней, о чем постоянно проговаривается. Формально в его стихах все вертится вокруг невозможности возвращения, потому что везде тьма. Говорение, заговаривание, бормотание – так ведет себя человек в одиночестве, в страхе перед неведомым. И это притом, что друзей-адресатов у поэзии АП немало. И сам он, как скворец, готов с каждым беседовать на его языке.

(Алексей Александров, Саратов)